

Александр ГРИНБЛАТТ

Метаморфозы

Эммошке Фридман

Разгулявшемуся ветру вторил шум морского прибоя. В домах на припортовом спуске поскрипывали старые балки, подрагивали стекла. Воздушные потоки будоражили бронзовые струны замковых часов и наперегонки неслись с разбуженным бархатным гулом по всей округе. Замком особняк звался, пожалуй, за высеченный по центру герб, зубчатые башни и кружевные решетки. Причудливая конструкция покоилась на бетонных колоннах, меж которыми выдвигался телескопический лифт с резной дверью. На двух этажах, огибающих раскидистую магнолию, жил некто, именуемый грандом или доном Фордано. Его действительного имени никто не знал. Еще о нем говорили "тот, в чей дом вращает дерево". Замок менял конфигурацию, по мере того как ветви с огромными полированными листьями и атласными цветами простирались все дальше от могучего ствола. За многие годы фасад приобрел вогнутую "кривичность", которая полукольцом опоясывала дерево с гигантскими корнями, разбегающимися волнистыми наростами. Одновременно задняя сторона дома становилась все более выпуклой и подступала к склону горы; балконы же вдоль верхних этажей растягивались в длинные галереи.

Вечерами фигура дна Фордано, разгуливающего по галереям, высвечивалась раскаленной точкой сигары, которую он неизменно выкуривал перед сном. Местные жители в замок доступа не имели и оттого с хозяином знакомы не были. Лишь почтальон изредка пробирался в пространство под домом, чтобы доставить журнал "Антиквар" на имя табачной компании. Через минуту, покрытый испариной от пережитого напряжения, он появлялся на противоположной стороне полукруга. Растревожненные коты, для которых темный закут сделался убежищем от камней и бутылок, шипели и злобно выгибали спины.

Не одно поколение соседней выросло рядом с замком и с детства слышало о его обитателе. И все же интерес к личности хозяина магнолиевго особняка никогда не ослабевал. Дон Фордано был не просто загадочной достопримечательностью. Его присутствие, как и сам замок, служило источником местного патриотизма. Приезжим первым делом рекомендовали сходить к магнолии и рассказы-вали занятные притчи, которые с годами обрастали новыми подробностями и действующими лицами.

Паразиты были обстоятельством жизни гранда: он не болел, не прибегал к посторонней помощи и не умирал. С одной стороны, все принимали это как должное; с другой же, отсутствие сведений порождало сомнения в достоверности историй, объясняющих его долгий век. Наиболее популярная и потому наименее вероятная сообщала, что дон Фордано был никем иным как Мордехаем бен Исраэлем, одним из двух близких друзей детства Иешувы из Назарета. Когда Иешува после многолетнего отсутствия возвратился в родные места пророчествовать и вести за собою племя иудейское, он призвал обоих друзей. Мордехай, сославшись на состояние жены (беременность Двойры была осложнена шумом в ушах), а скорее всего, потому что не желал оставить красильни без присмотра, увильнул от сопровождения оборванца, назвавшегося сыном Божиим. Тем не менее, Иешува, зная тернистые пути своего учения, наделил Мордехая бессмертием, чтобы тот свидетельствовал истину.

Всякий раз, повторяя знакомый сюжет, рассказчики поднимали палец и закатывали глаза на верхние этажи замка. Родители приводили к магнолии расшалившихся чад и за

непослушание устрашали их карой Мордехая. Иногда же от имени дна Фордано детям давали конфету за добрый поступок, скажем, ябедничество на старшего брата, постановившего в туалете, или на кузин Мальпину, Дорзефину и Леольдину, к которым ладно липли любые прегрешения. Так поддерживалась своеобразная слава неизвестного гранда.

Ссылки на Библию и самого Иешу-ву притягивали к сюжету изрядное число легковверных, но местный священник, отец Монди Казаранта, выпячивая глаза и стуча кулаками по амвону, отвергал какое-либо причастие к священному писанию "того, в чей дом вращает дерево". Логика отца Монди была безупречной: если бы гранд действительно был другом детства Учителя, он бы пришел в церковь получить благословение. Поскольку ничего подобного не происходило, дна Фордано следовало считать самозванцем.

Тем не менее, значительную часть прихожан священнику убедить не удалось. В итоге приход раскололся на два лагеря: мондистов и всех остальных. Особых баталий между ними не происходило, но окна друг другу обе стороны исправно били и автомобильные шины прокалывали. Делегированный епископатам аббат Цирпа призывал противоборствующие силы найти общие точки в вере и баскетболе. Он также обращал внимание на сомнительную подоплеку конфликта, но и мондисты, и антимондисты мысляли настолько не углублялись, зевали на воскресных проповедях аббата и с нетерпением ожидали выхода из церкви, чтобы высказать правду во "вражеские хари". Единственным пунктом, по которому обе стороны пришли к соглашению, было прекращение склок во время богослужений.

Группировка же почтальона Иллариона Пердон кш Ладрон доказывала, что дон Фордано был прямым потомком графа Калиостро, способным по картинкам в журнале "Антиквар" воспроизводить физические объекты. Неведомые доходы хозяина замка не оставляли почтальону иного объяснения как махинация на интернете с предметами старины. Тем же интернетовским эффектом объяснялось фордановское долготеление. По статистике каждая вторая семья в городе вслед за холодильником стремительно приобретала компьютер, чтобы тоже подключиться к источнику неиссякаемой жизни, а каждая четвертая еще использовала монитор в качестве груза для квашения капусты, наделенной целебными противозапорными свойствами.

Отец косоглазого подростка, полицейский-мондист, который жил напротив замка и был известен запоями и драками с последующим лечением, на исповеди поведал отцу Монди об одном загадочном происшествии. Как-то скучным вечером его сынок выстрелил из рогатки, прицелившись в огненную точку сигары, но камень ударился о невидимую преграду и отскочил сынку в лицо. В доказательство папаша показал отпрыска, а затем на протяжении полугода таскал мальчишку в винные подвалы и демонстрировал синяк то на его скуле, то на лбу, а то на локте. Лишние синяки списывались на наравочение, получаемое от матери за то, что неугомонное чадо пукало ей в глаза зайчики в то время как она полоскала белье. Стараниями отца Монди косоглазо-полицейская история стала достоянием общественности. Священник использовал происшествие для доказательства антибиблейского происхождения дна Фордано. Друг Иешувы никогда бы не заставил страдать того, кто пытался вклатить ему камнем по щеке.

Серуно Квартани, репортер газеты "Сквозняк Daily", на одной из проповедей отца Монди расчувствовался настолько, что дал обет всецело посвятить себя собиранию сведений о

магнолиевом замке и его владельце. Как репортер ни старался свести разрозненные сведения в единое полотно, у него ничего не выходило. Сомнений было много. Среди приобретенных им документов была копия контракта между доном Фордано и его зрителем, который должен был жить в замке в отсутствие хозяина и, как ни удивительно, выкуривать по одной сигаре перед сном. По другим бумагам, содержание которых оставалось неясным, выходило, что дон Фордано время от времени исчезал из истории, а потом необъяснимо появлялся. Так кто же прожил в замке? Всегда ли это было одно лицо? Не менее странным казалось и то, что никто не свидетельствовал истину. Трудно поверить, что она существует только для того, чтобы ее скрывали. Если же это действительно так, то непонятно, почему нужно скрывать то, что предполагалось нести. Правда, мондистская философия пояснила, что свидетельствовать нечего, ибо что имеется, то и есть истина. Временами под воздействием тех или иных доводов мондисты и антимондисты меняли свою приверженность. В таких случаях ниспровергнутое вчера возвышалось на пьедестал ниспровергнутого сегодня. Отец Монди называл такой процесс "сублимацией истины".

Появление второй особы в замке вызвало новую волну предположений и догадок. Жившие на вершине горы клялись своими банковскими счетами, что вторая фигура предстала их взору в виде опаленного закатом дракона, который под прикрытием последних лучей солнца спланировал на центральную башню замка и растворился в наступивших сумерках.

Той же ночью дон Фордано (или не дон, или не Фордано) вышел на балкон второго этажа с сигарой и свечой, осветившей рыболовное удище у шезлонга с красными и желтыми кругами. (Некоторые свидетели настаивали на полосах вместо кругов.) Пока дон Фордано или его зритель раскуривал сигару в шезлонге и что-то цеплял на крючок, в одном из окон третьего этажа загорелась другая свеча, и на стене комнаты отпечатался контур женской фигуры. Женщина взяла гитару и запела непонятную песню на грустном языке.

На выпуклой стороне замка сбегался народ. Колдовское пение заставляло многих позабыть о накрапывающем дожде и усиливающимся ветре. Пожилой мужчина с усами, галстук-бабочкой и тростью прошептал: "Она поет на ладно...". Толпу это не интересовало. Гундосое предупреждение от толстяка в тельняшке вынудило пожилого отступить в задние ряды. Но его усы, галстук-бабочка и трость остались на прежнем месте.

После небольшой паузы женщина запела колокольным звоном. Слушатели начали всхлипать. Вскоре мужчины, женщины и даже дети опустили на колени прямо в лужи. Звон кончился, однако никто не сдвинулся с места. Люди ожидали, что чудо еще повторится, но голос более не пел и не звенел. Порывом ветра распахнуло окно; свеча, увлеченная воздушной струей, потухла. Лишь на мгновение осветились длинные волнистые волосы и большие темные глаза на оливковом лице.

На следующий день народ начал стекаться к магнолиевому замку с полудня, но пение не повторилось. Окна были наглухо закрыты. После долгого ожидания и многократных перебежек с тыльной стороны к фронтальной и обратно разочарованные горожане разошлись. Ночью же многие проснулись и заморожено выставились в окна, гадая, был ли это перезвон колоколов или тот же магический голос. Город продолжал бы бодрствовать, но голый полицейский спяну заорал через форточку непотребные слова. Пение оборвалось, и слушатели вынуждены были вернуться ко сну.

Ночное событие всколыхнуло горожан и снова разделило их на две партии: защитников ночных представлений и сторонников крепкого сна. Интересно, что реакция жителей окраин, понятия не имевших о пении, была полностью на стороне горластых поборников тишины. Отец Монди во избежание новых раздоров предложил организовать референдум, но никто на его побуждение не откликнулся. Аббат Цирпа обидел животных, которыми обозвал прихожан, высмеял отца Монди за "неразоблаченное тщеславие" и отбыл в горный монастырь восстанавливать "потрепанные за веру нервы".

На заходе солнца следующего дня косоглазый подросток с противоположной стороны улицы опять открыл огонь из рогатки по двери замкового лифта и был поддержан папашиним пронзительным свистком. В свою очередь свисток побудил к действию кузин Мальпину, Дорзефину и Леольдину, которые не раздумывая побежали к замку с крышками от кастрюль, половниками и мужьями. (По правде говоря, Дорзефина со своим расписана не была.) В азарте к ним присоединились и другие. Замок был темен и молчалив. Возмущение толпы от этого только усиливалось. Неожиданно шум стих. Люди удивленно разглядывали галерею верхнего этажа, откуда на них уставились желтые глаза волка. Папаша-полицейский пришел в себя первым, но подумал последним. Он выхватил из кобуры револьвер и выстрелил в зверя. Пуля со скрежетом отскочила от цели — полицейский охнул и плавая повалился на землю. Народ в панике закричал и бросился прочь от жуткого дома. Пожилые усы, галстук-бабочка и трость получил чем-то по запылку и свалился на траву рядом с остывающим полицейским.

Последующие три дня были днями скорби. На работу никто не выходил. Жертву хоронили и город, и провинция. Кампания вылилась в патристические гуляния. Самые идейные несли дежурство у магнолии. Пока народ увлеченно предавался горю, мэрия постановила повесить мемориальную доску в честь погибшего блюстителя порядка. Необходимые средства решено было выискать через суд с дна (или не дна) Фордано (или не Фордано). Городской прокурор Бумбо Гуталини при выписывании повестки смешался на графе "имя". Тем не менее, бумагу он подписал и печать поставил. Затем отправил документ в корзину для мусора и аккуратно вывел в реестре "исполнено".

Четвертый день запечатлелся шествием с хоруговьями в приморском парке, хорovým пением на кладбище и салютом береговых батарей. Тем временем корни и ствол магнолиевго дерева обильно пачкались на уровне человеческого жзда. Сорванные атласные цветы измазывались и разбрасывались по всей округе. Горечь утраты сменилась резким запахом.

На пятый день над замком появилась дирижабль. Свисающая с него красная лента золотыми буквами призывала воспользоваться бесплатной подпиской на воскресный выпуск газеты "Сквозняк Daily". Отец Монди, наблюдая за рекламой, дважды перекрестился и поцеловал собственную руку. Из дирижабля сыпались листовки с изображением голых дамочек и расфранченных кавалеров. Картинки кое-что предлагали, но к смерти полицейского это отношения не имело.

Через неделю о полицейском вспоминали не чаще, чем о дожде над Сахарой. Возможно, вся история окончательно была бы предана забвению, если бы не пьеса "Аромат смерти", сочиненная по мотивам замковой трагедии. Во время представления сам постановщик (он же автор) Батерфляйчик разбрасывал по залу "злоухающие" цветы магнолии, как потом он писал в объяснительной записке, для правды жизни.

Город кишел слухами. Опять же со ссылкой на почтальонову жену Кристальду парикмахер Виги Пелюка рассказывал клиентам о том, что со второго этажа замка прямо в рот почтальона упало драгоценное кольцо. Сразу же заурчал лифт, дверь распахнулась, и женщина с волнистыми волосами выставила раскрытую ладонь. Почтальон пытался убежать, но она запела колоколом. Тогда он упал на колени и пополз к ней с распахнутым ртом. Больше с колена он так и не встал. В тот же вечер Кристальда вызвала скорую помощь, чтобы доставить ползающего мужа в городскую больницу. Через день больной был направлен для обследования в психиатрическую клинику.

В этом месте Виги переходил на шепот: "Точно инопланетянка...". После вздоха он заключал: "Старый Зильбер был золотом. Он мне всегда говорил: "Виги, в ихней мелихе не сказать значит больше, чем смолчать. Потому что только смолчать — это уже быть недовольным. Кто же это может взять на себя? Этого вам лучше не скажет никто! Нечеловеческого ума был банщик! Вот и я интесуюсь, зачем она нам?".

На Пасху в арбузной гавани пришвартовался средневековый шлюп с венецианскими дожами. По городу тотчас пронесся слух, что прибыл сам дон Фордано, исчезнувший на пять веков во избежание чумных эпидемий и партийных чисток. Кроме того, авторитетно сообщали, что Венецию перенесут сюда, поскольку там она идет ко дну. Горожане были возбуждены беспредельно: если Венецию и вправду перенесут, то наверх на городское управление придет новая мафия. А если так, то перемены начнутся с мэра Азунга, от которого избиратели не могли избавиться на протяжении трех десятилетий. Заодно можно будет указать на дверь и назойливой Дзюкочке Азунга, которая обложилась "пожертвованиями" все бизнесы.

На причале скопилось несметное количество зевак, с восторгом глазевших на венецианские одежды. Усы, галстук-бабочка и трость выкрикивал приветствия по-венециански. Дожди причему-то не обращали на него внимание. Ровно в пять часов над судном застыл воздушный шар бирюзового цвета с изображениями семи черных музыкантов и двух розовых певцов в зеленых платьях. По сброшенной веревочной лесенке все дожди полезли в корзину, из которой торчала дека контрабаса. Когда же дошла очередь до бульдожа, радостно помахвающего хвостом, главный дож крикнул из корзины: "Бэз нас нэ хавай!" — и погрозил твари кулаком. Толпа ахнула и побегала по берегу за низко летящим воздушным шаром, который, достигнув магнолии, завис в воздухе. Первый к корзине подбежал отец Монди и зашептал неустанную молитву от порчи. За то время, что венецианцы спускались со своими музыкальными инструментами, вокруг скопилось немало людей. Из-за барабана мелькнуло измученное ночным творчеством лицо Серуно Квартани. Репортер решил воспользоваться подвернувшимся случаем и проскользнул в лифт вслед за музыкантами.

Два месяца спустя на прилавки книжных магазинов лег первый выпуск "Трех часов на борту Вселенной". В книге с большим количеством иллюстраций, сделанных по воспоминаниям автора художником Аврашай Книоксом, подробно описывалось устройство инопланетного замка и жизнь его обитателей. Самому репортеру необычайно повезло: ему *per rectum* ввели эликсир гениальности, после усвоения которого он овладел межпланетным жаргоном и смог взять интервью у дна Фордано.

Мэр города, престарелый Дики-Дики Азунга, назвал книгу бредом кастрированного петуха, но как только серуновский опус побил все рекорды популярности, его мнение измени-

лось, о чем он с гордостью написал в предисловии к следующему изданию. Кроме того, для привлечения туристов мэрия постановила соорудить тематический парк "За три часа вокруг Вселенной", в котором с бортовых галерей замка посетители смогут ловить пластиковую рыбу и бесплатно курить сигары, входящие в стоимость билетов.

Парикмахер Виги Пелюка, среди клиентов которого был и Серуно Квартани, на пятый день скупил остаток тиража и попросил автора подписать три книги для племянников. В доверительном разговоре он сообщал каждому стригущемуся о том, что обладает лишим экземпляром с писательским автографом. После недолгих переговоров Виги нехотя соглашался продать заветную книгу за тройную цену. К концу второго месяца были реализованы все десять тысяч томов, и господин Пелюка открыл астрально-косметический салон "Звезду За Красу" с мадам Зильбер на кассе и режиссером Батерфляйчиком, изгнанным из театра за пахучее новаторство, в качестве менеджера.

Несмотря на гигантский тираж книги, дела самого Серуно Квартани приняла трагический оборот. Его жена Маха неожиданно объявила о разводе и предъявила Серуно иск на полную сумму гонорара плюс один доллар. В домашнем скандале она пригрозила мужу, что в случае его отказа удовлетворить ее требование она сообщит миру о том, что все неблизичи он стянул из детской книжки 1926 года издания, а из лифта был выставлен еще до подъема в замок.

Серуно метался по новому дому в поисках решения и выкрикивал: "Убить суку!". Знаменитого репортера-исследователя с белой головой битой и пеной на губах задержали в здании мэрии и поместили в психиатрическую клинику с диагнозом инопланетно-маниакальный синдром. Мадам Квартани отозвала иск из суда в связи с получением опекуна над умиравшим мужем. Ее единственным огорчением было заявление психиатра, что для Серуно, возможно, не все потеряно.

Когда в субботнем выпуске "Сквозняк Daily" был опубликован некролог, посвященный скончавшемуся на девяносто восьмом году жизни барону Херуце фон Шмузер, ни одному читателю не пришло в голову увязать имя покойного с доном Фордано. Даже задрапированные черным муаром замковые часы ни на что не надумали. Через два дня к особняку подъехал катафалк, и четверо молодых в лифвах вынесли желтый гроб с галстук-бабочкой и тростью поверх крышки.

Только тогда по городу ползла тревожная весть о том, что дон Фордано съехал навсегда. Сплошные отсутствие виновника разногласий, мандисты и антимандисты во главе с прокурором Гуталини сформировали чрезвычайный комитет по возвращению исторической ценности города. Комитет начал свою деятельность с призывов "жертвовать и бдеть на подозрительные явления". Были созданы два отдела, четыре сектора и распределены должности. Горожане с энтузиазмом встретили решение администрации ввести налог на местный патриотизм, взимаемый пропорционально любви к городу, "для поиска гражданина дон Фордано". Как только указ был опубликован, налогооблагаемая толпа сбилась перед зданием прокуратуры для сдачи средств. На собранные деньги город отрядил семейство Гуталини с зятями в кругосветную пилотскую экспедицию на шесть месяцев.

В тот же час, когда окрыленный народ махал платочками во след уплывавшему кораблю, в астральный салон красоты "Звезду За Красу", вошла клиентка в черной вуали. Мадам Зильбер, "цимисная голова", сразу же вычислила в ней колокольную из замка, а вот Мальпина, Дорзефина и Леольдина, работавшие в салоне в качестве косметологов-проричатель, только снисходительно скользнули по ней взглядом. Ничего интересного, кроме глянца на левой руке, они не отметили. И напрасно.

Иноконито сняла вуаль и попросила укоротить волосы до уровня плеч. Дорзефина то ли не поняла, то ли приняла собственное решение, отсекала ей треть волос под самым ухом. На колокольный крик незнакомки прибежали Мальпина и Леольдина. Сама же Дор-

зефина с перепугу присела на корточки, чтобы вползти в нишу под умывальником. Как только раздался хруст шейных позвонков, ее большое тело конвульсивно содрогнулось и распласталось на полу. Клиентка спокойно перешла в кресло Леольдины, которая, разрываясь между чувством и долгом, не сдвинулась с места. Мальпина же подскокала к незнакомке и шепотом спросила: "Кк-ак вв-ас зз-аделать?". Женщина в ответ заколочила на своем языке. Слезы бедной мадам Зильбер хлынули на компьютер и вызвали короткое замыкание. "Звезду За Красу" погрузился во мрак. Бывший театральный режиссер на ощупь подполз к телу Дорзефины и нежно обнял ее поломанную шею. Именно в этот момент в салон вошла жена мэра, Дзюкочка Азунга, чтобы обратиться к Виги Пелюка за добровольным взносом в фонд защиты глиняных тарелок от огнестрельного оружия.

Город сдержанно реагировал на скорбное событие. Служащие по разнарядке мэрии собрались у магнолии, где Дики-Дики объявил о том, что жертвы не бывают напрасными, и память о Дырпизине (покойница за чем-то сменила имя) сохранится надолго во внутренних органах горожан. Расходились быстро, без разговоров. На следующий день состоялись похороны. Траурный митинг пришлось отменить. Кроме кузин и коллег явились только выступающие и хроникер "Сквозняк Daily". Последний ушел первым. Поэтому смысл в проведении митинга отпал.

После кладбищенской церемонии по дороге домой Виги Пелюка остановился у магнолии; его поразил странный вид дерева. Маха Квартани еще издали заметила необычное поведение парикмахера. Она тоже задрала голову. Приблизившись, спросила, как дела в салоне. Он неопределенно пожал плечами, полагая, что их встреча тем и ограничится. Однако Маха стояла под деревом и продолжала улыбаться.

— Вам не кажется, что магнолия съезжилась? — спросил парикмахер. Маха снова бросила взгляд наверх. — Пожалуй... — проговорила она. — Действительно!

Оба на какое-то время умолкли. Маха кашлянула, но парикмахер не заметил ее маневра. Тогда на его ногу упала ее сумочка.

— Спасибо, Виги, — сладким голосом прожурчала Маха. — Вы знаете... — она запнулась и кончиком языка облизнула верхнюю губу.

— Знаю что, мадам? — Пока это тайна, Виги, но вам как будущему другу... Маха взяла ладонь Виги и стала водить по ней указательным пальцем. — Виги, только мы вдвоем сможем это сделать... — Да, мадам?... — С вашим опытом... — Мадам, я уверен, мы найдем общий язык...

Серуно Квартани и почтальон Илларион Пердон кыш Ладрон оказались в одной палате с одинаковым диагнозом и сразу же породнились. После того как каждый живо рассказал свою одиссею более десяти раз, их изложение слилось в одно общее. Что разнилось, так это поведение их жен. Почтальонша регулярно навещала мужа. Репортерша же носила не казалась. В разговорах новых друзей Маха фигурировала не иначе как "сука".

Кристалда приносила "вкусненькое" на двоих, потому что и жалко было брошенного репортера, да и сгодиться он мог. Серуно сначала был тронут до слез, а потом уже освоился настолько, что первым залезал в кошелку и вытаскивал из нее свертки со снейдой. "Сука" объявлялась через три недели и в слезах поведала, что ее похитил серый волк, от которого она едва сумела сбежать. Больше она ничего не рассказывала, а кинулась к мужу и начала его обцеловывать, приговаривая:

— Родной мой, правда, тебе лучше? Ты меня не оставишь, любовь моя? Я так плакала, когда ты кричал, что повесишься и бросишь меня! Я места себе не находила! Но это была болезнь!

— Махунечка! — простонал растраганный репортер.

— Серуночек! Колонопреклоненный сопалатник удивленно глядел на счастливую пару. Когда Серуно помнил его, благодарный Илларион подполз к супругам и поцеловал их лодыжки. Ошарашен-

ная сука носовым платочком смахнула слезу. Вдруг она хлопнула себя по лбу, извлекла из сумочки запечатанный конверт и протянула его мужу.

— Что это? — спросил репортер.

— Не знаю. Думаю, контракт на второй том. Пришел сегодня утром...

— Второй том?... — Серуно разорвал конверт и расплылся в улыбке.

Маха тоже сияла и одобрительно кивала. Их руки сплелись на махочкиной груди.

Театр ставил новую пьесу по следам гибели Дорзефины под названием "Астральная жертва". Опальный режиссер-автор был возвращен в театр с испытательным сроком и урезанной зарплатой. Поэтому творить Батерфляйчику приходилось без отрыва от парикмахерской. На главную роль он пригласил Мальпину, которая и лицом, и фактурой была близка к прототипу. Правда, Мальпина вынуждена была уволиться из салона красоты, так как директор театра заартачился и ни в какую не хотел маникюршу. В свою очередь Мальпина сочла невозможной дальнейшую связь с мужчиной, который все пятнадцать лет их супружества чинил проржавевшие трубы и был далек от искусства. Поскольку жизнь пока была не устроена, Мальпина пристроилась в постели Батерфляйчика.

После премьеры мэр Азунга прямо в ложе потребовал от Дзюкочки соглашения на развод. Дзюкочка пригрозила покончить с собой. Дики-Дики замялся: "Как же тебе станет лучше, когда мне будет хуже?". Сразу и порешили, что самоубийство отменяется. За портьерой Дзюкочка дала Дики-Дики оплеуху и тут же получила ответный плевком в лицо. После этого они вышли из театра под руку и сели в авто.

На следующий день Маха на работу в мэрию не вышла. Дики-Дики позвонил ей домой, но трубку почему-то снял парикмахер Пелюка и сухо посоветовал мэру не звонить больше в этот дом. Маха вырвала трубку и крикнула, что ее планы опять серьезно изменились. Мэр схватился за сердце. Через несколько часов город узнал о его долгожданной кончине. Маха позвонила Дзюкочке, чтобы выразить соболезнование, а Дзюкочка заверила ее, что они расстанутся с любовью.

Кристалда Пердон кыш Ладрон после расслабляющего "вкусненького" выудила из репортера несколько реплик, проливших свет на замысел Махи. Вскоре в голове почтальонши созрел план изобличения "суки-стервы". Она позвонила в редакцию "Сквозняк Daily" с предложением компромата, но там ответили, что редактор занят. И действительно, Жонзи Панасюк готовил первую речь к избирательной кампании за кресло мэра. Тогда Кристалда позвонила Махе Квартани домой и стала ее шантажировать. К удивлению Кристалды Маха была любезна, сказала, что не все так просто в жизни и что готова прямо сейчас приехать и объясниться. Договорились встретиться в садике за церковью. Вечером того же дня под кустом жасмина отец Монди обнаружил труп женщины с перерезанным горлом. Рядом лежала опасная бритва.

Возбужденная прокуратура прекратила дело после заключения вице-прокурора Капакабаниса о том, что почтальонша сама себе перерезала горло обстоятельными личной жизни. Однако через некоторое время брошенный пастовой отец Монди в попытке восстановить былое влияние обвинил магнолиевый дом в сионистском заговоре против почтовых служащих. Подозрение сразу пало на обитательницу замка. В ходе повторного следствия выяснилось, что таинственная певица задолго до смерти почтальонши подалась на воздушно шаре не то в Венецию, не то в коммерцию. Тогда же удалось установить, что последние 90 лет замок не платил за электричество. Правда, прокуратуре не удалось доказать, что замок потреблял электроэнергию.

В доме с противоположной стороны, на фасаде которого собирались установить мраморную доску, все оставалось по-старому. Косоглазый мальчик рос быстро и превратился в детину с усами и челкой на глаза, что придавало ему сходство с успшей мамашей. Молодой человек, однажды поработав мозгами и прочими важными частями, заключил, что косоглазие, как и все остальные качества, унаследованные от родителей, не-

пременно должны быть сохранены и умножены, для чего приобрел кровать матримониального размера. Над ней повесил черно-белый потрет папаши в полном обмундировании, выгодно отличавшем его от нарушителей. Портрета мамы в доме не обнаружилось. Таким образом, все было готово для привода новой хозяйки. Перспективный жених сверкающими в разных направлениях глазами приглядел ее на собрании Комитета по розыску дон Фордано и после испытательного матраца повел под венец. Бранная ночь началась с брани, но закончилась вполне традиционно. Поздним утром, когда солнце уже успело серьезно потрудиться над лужами от ночного дождя и занять срединное положение на умытом небе, муж поднялся с постели и мечтательно почесался ниже пупа. Жена, опершись о подоконник, разглядывала улицу с таким выражением, будто видела ее в первый раз. Косоглазый подошел ближе и прижался к ее разгоряченному задку. Она же не отводила взгляда от окна.

— Ну куда ты уставилась? Он хлопал себя по животу. Сильными пальцами помял лакомые ягодцы, приобретенные им в законное пользование, и лихо шлепнул по одной. Она хихикнула и выгнулась еще привлекательней.

Через минуту он помутневшими глазами увидел...

— Ядрено знамя! Магнолия и зам-мок тю-тю!..

— Ага... ага... — прерывисто дыша, выпалила жена. — А другие-то... совсем другие...

Косым взглядом он скользнул по соседним домам на противоположной стороне улицы. Над слегка вогнутыми фасадами выросли башенки, а на самой высокой появились часики... Они отбили полдень, после чего и башня, и стрелки удлинились... На церковном куполе вместо привычного креста кривилась дуга, а внутри нее поблескивала звездочка. Косоглазый отпрянул от подрагивающего тела жены и бросился в ванную, одержимый мыслью об обрезании... Одной рукой он оттянул лишнюю плоть, а второй перекрестился и под завывание "Аллах с ним!" отсек прежнее веру.

— Бум-бом... — отзвонили часики. Где-то в районе Старого базара прогремел взрыв и завывала пожарная сирена. Со стороны порта в город выливал дирижабль с коммерческой рекламой "Табак Фордано": на чисто выбритом старческом лице вместо усов торпачился галстук-бабочка, а во рту — огромная сигара, из которой вился настоящий дым.

Коты обнюхивали круг, в котором прежде росла магнолия, растерянно скребли землю и перебежали с места на место.

Виги любовно поглаживал обложку второго тома "Вселенной" с собственноручным посвящением самому себе. Его имя золотилась между серуновским и махочкиным. Третий салон красоты он назвал без затей — "Клеопатра у Фигаро".

— Бум-бом! Бум-бом! На подоконнике жена косоглазого, упакованная с головы до пят в черное, жалобно зазубривала: "А салыям аллейками", — и обтирала запрещенные подмышки.

Леольдина страдала от скоропостижно обнаруженного у себя таланта, который был получше мальпинкиного, но "перспективы для него не подворачивались".

Мадам Зильбер в двухсот третий раз выдыхала на золотой медальон, полировала его рукавом и сокрушалась над проступающей медью.

Портя Батерфляйчик, уединившись в ведре (унитаз был забит творческими отходами), подходил к выводу, что продуктивная мысль вовсе не является продуктом мышления.

И только отец Монди Казаранта уверенно шагал в неизвестном направлении, зная наперед, что вера в себя... обязательно выведет.

— Бум-бом... Бум-бом... Бум-бом...

На спуске, сбегающем к порту, воздушные дуновения мягко перебирали бронзовые струны подрастающих часов и разлетались вместе с юными тонкими звуками по старым кварталам до самой мэрии, с балкона которой Жонзи Панасюк и его новая жена Маха тревожно озирала врученный им опеке город.

Мимо пронеслись перемены.

Алена ЩЕРБАКОВА

Острову Крым

Из птиц, долетевших до края моря, Не встретилась ни одной, чей голос Стал бы напоминать о покое... Впрочем, порою море Можно принять за точку отсчета, А одинокое утро за память, Тогда-то только легко представить Путь по песчаному гроту Из Нового Света в Морское, Где, тронутые водою, Тени менее резки В пределах видимого отрезка, И профиль друга — На каждой каменной фреске Скал, лежащих по ту сторону света И тени, — обратно взгляду. Выходит,

в пространственном измерении Нет наречия "рядом"...

Полет птиц — продолжение горизонта, Условность линий, Вот и лицо твое порою Приобретает вид размытого негатива, Оставляя следы,

отстраняя от сердца город. Если дорога

удваивает возвращенье — То встреча наступит не скоро...

В том краю, где безвременье оглушает любой

Захлебнувшийся стон тишины, озноба и ветра,

Четырех из букв, не сумевших в образ влиться иной,

Распростерты на тысячах километров, Став тем призраком, чьих одежд

Мы ночью не различаем — Но постель остывает прежде,

Чем я, покурив, возвращаюсь.

"...Я список кораблей прочел до середины" О. Манделштам

Меня еще твой миф не уронил На дно бездонной вазы Атлантиды, А я уже теряю по транзитам Простые беседы с авторенных книг Улыбку, собирая по частям

Свой голос, взгляд... — на полотне не найти,

Нанизываю сны на панцирь мидий Для промысла китовым плавником;

Оберегаю рукописный клад На царственных пергаментах

весталки. Когда один внезапный ветра вал

И век крушат дворцы свои подряд, Как список кораблей, по именам,

Не все ль равно, что остается после, Когда над головой такие звезды,

К чему теперь живым преданья нам?..

Del arte

Памяти А. Вертинского

Вместо вина в бокал налить стеарин. Из пропасти голос твой не слышен. Я — Коломбина, ты — мой визави. Ты только тихонько меня позови. Живые не слышат —

а мертвым не пишут... Сухой ветер треплет афиши;

Тонкими пальцами горло сдавливает кокаин;

Страшно от темных нот твоего голоса.

Как же здесь вечерами холодно, В сверкающем конфетти фар

и витрин! Моих писем не расшифровать —

Пелел их черен, неярк, матовый, Я продаю билеты в бродячий театр

На счастливый спектакль С несчастливим лицом

И с расколотым детским карминовым сердцем.

Аргентинское танго

Аргентинское танго — навзлет, навзрыд,

Черных платяев качающийся надрыв, С поворотом лиц — тени падают ниц,

Каково едва по земле скользить?! Замирание сердца сбивает счет,

Поворот — полет — поворот — вне нот,

Обнаженность рук, обреченность фраз,

И ты ближе, чем нужно ко мне сейчас.

Я не знаю, как долго чадит огонь, Но в твоей ладони — моя ладонь,

И уже вплотную друг к другу в анфас, Плечи выжжены солнцем

и углем глаз. Аргентинское танго не превозмочь,

Дробный шаг, накаляя, взрывает ночь,

Так, наверно, танцуют в последний раз,

В этом танце сгорает один из нас.